

заимствованное черезъ французское *plèbe*, то подобное самоуправство съ иностранными словами довольно ужасно. Мы не понимаемъ также слова „овручъ“ (стр. 84). Надо полагать, что это есть просто обручъ? и т. д.

— Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кievской дружинной Руси. Изслѣдованіе Е. Барсова. Москва, 1887, 2 тома.

Ни одинъ изъ памятниковъ древней русской литературы, кромѣ развѣ лѣтописи Нестора, не занималъ въ такой степени ученыхъ изслѣдователей, филологовъ и историковъ литературы, какъ „Слово о Полку Игоревѣ“, и положительно ни одинъ не привлекалъ столько писателей и поэтовъ, желавшихъ усвоить этотъ памятникъ новой русской литературѣ,—тѣмъ больше, что памятникъ былъ единственный въ своемъ родѣ и кромѣ него долго не знали въ старой русской письменности никакихъ иныхъ остатковъ народно-поэтического творчества.

„Слово о Полку Игоревѣ“,—говоритъ нынѣшній его истолкователь,—есть памятникъ XII-го вѣка, сколько драгоценный по своему историческому и литературному значенію, столько замѣчательный и по своей странной исторической судьбѣ. Онъ сталъ извѣстенъ намъ съ конца XVIII-го вѣка, въ спискѣ единственномъ и притомъ неисправномъ. „Только необъяснимая случайность,—какъ замѣтилъ одинъ ученый,—выбросила намъ изъ бездны забвенія эту думу о походѣ Игоря“. Но скоро погибъ и этотъ единственный списокъ въ московскомъ пожарищѣ 1812 года, оставивъ насъ лишь при печатномъ изданіи, съ бездною недоразумѣній. Не лучшая судьба постигла и первыя работы по его изученію. Изучалъ его графъ Мусинъ-Пушкинъ, явившій его свѣту, но изъ его бумагъ едва уцѣлѣлъ до насъ одинъ небольшой листокъ. Изучалъ его одинъ изъ главныхъ редакторовъ 1-го изданія, А. Ѳ. Малиновскій, но и отъ его работъ найдены лишь незначительные остатки. Изучалъ его профессоръ Тимковскій, и извѣстно даже, что только три слова въ текстѣ затруднили его, но и его работы пропали также безслѣдно. Наконецъ даже и самые оттиски перваго изданія, въ большинствѣ своихъ экземпляровъ, сгорѣли вмѣстѣ съ своимъ оригиналомъ и въ настоящее время представляютъ большую библиографическую рѣдкость. Не даромъ Вальтеръ Скоттъ, прочитавъ этотъ памятникъ, въ одномъ изъ писемъ къ графу Орлову выражалъ удивленіе, что русскіе такъ мало умѣютъ понимать и цѣнить свои